

Павел Маруненков

**Сердце
чудовища**

Павел Маруненков

Сердце чудовища

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Маруненков П. С.

Сердце чудовища / П. С. Маруненков — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Далек от столицы утопленный в лесах и пронизанный реками округ Спирос, и много таинственного рассказывают о чудовищном Змее, пугающим путников и наводящим страх на местных жителей. Но сотрудникам Института аномальной биологии не до фантастических историй – недостаток финансирования, масса забот и амбициозность ректора не оставляют времени на размышления. Особенно сосредоточен на работе руководитель Центра обеспечения здоровья Валентин Стронгхолд: не прекращающиеся попытки победить вирус Кагона и война с представителями медицинского факультета занимают все свободное время. А тут еще личное поручение ректора...

© Маруненков П. С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Первая глава. Красавица и чудовище	6
Вторая глава. Центр обеспечения здоровья	11
Третья глава. Неловкий ужин и большая глубина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью.

Ф. Ницше. "Так говорил Заратустра"

В мире, особенно в человеческом мире, больше уродства, чем красоты.

Н. Бердяев. "Самопознание"

Первая глава. Красавица и чудовище

Сквозь спящий лес стремительно летело огромное и жуткое существо, с легкостью ломая крепкие ветви, осмелившиеся оказаться на его пути. Оно могло не таранить непроходимый бурелом, а взмыть сверкающей в лунном свете серебристой стрелой и оставить верхушки деревьев далеко внизу под своим вытянутым брюхом. Оно так и делало порой. Чудище обожало пронзать на сверхзвуковой скорости облачные дворцы и на мгновение попадать в их туманные бесформенные залы. Или устремляться еще дальше – в запредельную высоту, долетая до самых границ стратосферы, откуда земля виделась всецело подвластной его воле. Еще любило оно нырять в морскую пучину, вызывая метровые тучи брызг, и доставать до самого дна, чувствуя адское давление черной бездны и наблюдая удивительных существ, обитающих на глубине. Частенько монстр не мог удержаться от того, чтобы не пролететь с недоступной ни одному речному гаду скоростью по руслу реки, распугивая тучных сомов и древних щук, то выныривая на поверхность, то погружаясь снова, наслаждаясь сменой плотности и температуры.

Но сегодня ему не терпелось попасть в самую гущу непроходимой чащи. Хруст веток, шум ветра, испуганные голоса птиц, терпкий и густой аромат влажного реликтового леса, утонувшего в глубине веков, веселили душу загадочного существа.

Внезапно из многогранной симфонии лесных запахов выделилась особая мелодия. Она была тонкой, нежной и невероятно аппетитной, коренным образом отличаясь от обычных ароматов смолы, сочной зелени, тухлых болот и снующих в поиске добычи хищников. Считанные мгновения понадобились многометровому чудовищу, чтобы разобрать источник запаха. Поняв, кого он учуял, монстр резко остановился, нарушая все законы инерции, и повел носом в попытке обнаружить неожиданный подарок.

Все его нутро радостно всколыхнулось. Волна клокочущего возбуждения прошла по многотонному туловищу. Источником запаха могла быть только юная девушка, заблудившаяся в лесу этим вечером. У чудовища был необыкновенно тонкий нюх. Он легко определил возможное местоположение молодого тела, источающего дивный запах, и с бешеным ускорением выстрелил в его сторону.

Нежданная гостья ночного леса находилась на расстоянии нескольких километров. Владелец чувствительного носа в состоянии необычайного душевного подъема устремился к ней. Встретить заплутавшую в лесу барышню было чрезвычайно редким и приятным подарком. Чем ближе чудовище приближалось к своей цели, тем все более явственным становился человеческий запах.

Монстр подумал, что девушка вряд ли продирается сквозь толщу непролазного бора, колючего кустарника и опасных трясин. Если его добыча имеет хоть сколько-нибудь здравый ум, то, скорее всего, идет по относительно открытым участкам, а, значит, можно будет всласть налюбоваться на нее. В этом чудовищу поможет громадный диск луны, нависший над лесом и испускающий яркий свет. Таинственный зверь, обожающий носиться по природным просторам и наслаждаться девичьей красотой, стал замедляться, чтобы не напугать потерявшуюся особу раньше времени.

А пугать было чем! Ночной скиталец был истинным монстром. Он обладал громадным змеиным туловищем, достигающим дюжину метров в длину. Поверхность его тела была уложена перламутровой чешуей, отливающей в лунном свете бесконечно красивым радужным сиянием. Грозная драконья пасть изобиловала длинными и острыми, жемчужно белыми зубами. Из черепа вырастали загнутые, причудливо закрученные рога, уходящие вдоль тела узкими, ветвистыми кустами. Они сверкали так, что казались отлитыми из чистого золота. Над пастью имелись светящиеся во тьме усы – необыкновенно длинные, в палец толщиной. Глаза,

расположенные в углублениях жуткой морды, горели нефритовым огнем чужого мира. Неуязвимое тело чудовища было способно выдержать жар плавильной печи и холод далеких планет.

Стараясь производить как можно меньше шума, Змей неслышно плыл между столетними дубами и пятнистыми платанами, пытающимися достать своими высоченными руками-ветвями до облаков. В ночной тиши девушка легко услышит звук ломающихся веток за несколько сотен метров, которые отделяют ее от опасного незнакомца, так что нужно лететь как можно тише.

Наконец его зоркому взгляду предстала сама неосторожная особа. Периодически оглядываясь, она неспешно шла по освещенной луной тропинке. Мощное восьмикамерное сердце чудовища, сшитое на дне подземного мира могущественными духами зла, сжалось сладкой судорогой. В этот лес занесло чрезвычайно симпатичную девушку. Она была одета в обтягивающие брюки из плотной, модной нынче ткани и рубашку простого покроя. Эта незатейливая одежда позволяла узреть стройные ноги, высокую и упругую грудь, очертания которой проглядывали сквозь влажную ткань рубашки. Та была пропитана лесной сыростью и потом, выступившим от долгих поисков дороги. Дополняли соблазнительный образ рассыпанные по плечам густые иссиня-черные волосы, достигающие лопаток.

Монстр остановился и с минуту всматривался в девичий силуэт, окруженный мрачным волшебством темного леса. В его мозгу зародилось и разлилось по всему его существу нестерпимое желание явить ее очам свой устрашающий лик и наслаждаться эмоциями ужаса, которые придадут ее красивому лицу особое очарование. Отчаянный позыв увидеть в ее глазах безумный страх заполнил все мысли монстра. Но нечто, дремлющее внутри его черного духа, привычным усилием безупречной воли остановило пьянящий восторг и дикие помыслы. Эта чужая мысль вклинилась в разум Змея и напомнила, что если поддастся ужасным влечениям, то следом за желанием напугать неизбежно явится стремление сдавить ее молодое тело до хруста костей и выпить ее жизненную силу. А он не должен так поступать. Змей нехотя согласился – он не причинит ей вреда. Только легонько попугает и поиграет с ней в догонялки по темным тропинкам.

Змеиное тело продолжило движение. Оно скользило над землей на высоте человеческого роста. Органы чувств монстра позволяли ему слышать не только дыхание девушки, но и улавливать пульсацию ее сердечной мышцы.

Барышня была так занята разглядыванием дороги перед собой, что не обращала никакого внимания на происходящее за спиной. Чудовище не удержалось и выплыло из густоты леса на тропинку в десяти шагах от нее. Под лунным светом чешуя заискрилась сочным жемчужным мерцанием. Словно тысячи маленьких молний прошли по змеиному телу. Золотые рога вспыхнули огненным пламенем, а усы и зубы стали сиять молочной белизной. В его душе боролись два противоречивых стремления: незаметно подлететь к девушке и коснуться роскошных прядей ее волос или позволить ей увидеть всю свою завораживающую наружность с некоторого расстояния, чтобы поразить ее горячее сердце столь впечатляющей картиной.

Понимая, что он ничего не теряет, и вид его способен потрясти на любом расстоянии, Змей решил придерживаться стратегии неожиданного касания лакомого кусочка. Волшебные усы монстра могли с такого расстояния ощущать даже эмоции, захватившие несчастную девицу. Усы несильно трепетали, поглощая тонкие эманации ее душевных переживаний. К своему безмерному удивлению чудовище не обнаружило привычных ноток страха и тревоги. Этот факт насторожил его и заставил громадный силуэт плавно остановиться и замереть.

В следующий миг стало ясно, что отсутствие страха имело вполне определенную причину. Девушка тоже остановилась и сделал шаг в сторону от тропинки. Там она присела на корточки и, включив фонарик, стала что-то высматривать на земле.

Чудовище сообразило, что она занята поисками вовсе не дороги домой. Любопытство Змея вынудило его прекратить движение и, напрягая зрение, наблюдать за странной девушкой

с безопасного расстояния. Что же она ищет в столь поздний час? Ее одежда и запах сообщали Змею, что она вряд ли бродит здесь несколько дней, так что искать съестные корни пока рано.

Вдруг в ночной тиши раздался щелчок пальцев и довольное цоканье языком – незнакомка явно обнаружила то, что искала. Она принялась срывать с земли маленькие красно-черные грибы и засовывать их в карман. Ах, вот оно что! Чудище хорошо знало все многообразие растений округа Спирос. Девушка воспользовалась темнотой, чтобы собрать грибы, выбирающиеся из земли только по ночам. Они были известны не только Змею, но и биологам института аномальной биологии своей способностью вызывать видения и сводить с ума. Неужели эта очаровательная барышня – наркоманка? Это предположение почему-то подействовало на Змея угнетающе.

Когда сбор галлюциногенных грибов был закончен, девушка встала и, вернувшись на тропинку, пошла обратно. Змей приготовился выплыть из своего укрытия, когда она пройдет мимо него, но любительница грибов, не дойдя до него десятков метров, нашла поваленный ствол могучей сосны и присела на него. Змей, затаив дыхание, смотрел, как она вытащила из кармана добычу и, несколько раз пересчитав, положила грибы в рот и начала медленно и сосредоточенно пережевывать их. Змей очень не любил находиться без движения, но эта особа не на шутку заинтересовала его.

Какое-то время ничего не происходило. Монстр не выдержал. Он отлетел на пару сотню метров и пронесся по лесу, описывая сферу с центром в месте привала девушки. Змей специально не пытался уклоняться от вековых стволов и даже издал кошмарный гортанный вой. Он нарезал круг за кругом, ликуя от того, что льющийся отовсюду шум должен зверски напугать девицу. Из-за дикой скорости его полета она, наверное, испытывает чувство, будто на нее со всех сторон света надвигается нечто ужасное. Хотя никаких предположений монстру и не надо было делать. Он сразу ощутил ее страх, услышал шум бешено колотящегося сердца и учуял покрывший ее тело липкий, холодный и неодолимо влекущий его пот. Он снова в одно мгновение достиг границ ее видимости. Он знал, что она напугана, но хотел увидеть ужас в ее глазах. Потому монстр подплыл еще ближе и заглянул в ее лицо.

Девушка увидела два с тарелку величиной глаза, пылающих дьявольским зеленым огнем, и сползла с дерева, вжавшись в его ствол спиной. Сияние монстра осветило ее лицо, и Змей поразился, насколько красива была его сегодняшняя жертва. Он несказанно удивился тому, что такая красавица считает нормальным предаваться бесстыдному наркотическому пиршеству в этом нехоженном крае. От страха ее глаза расширились, явив бесподобный изумрудный оттенок. Такой яркий и сочный, словно он хотела затмить его нефритовый взор. Черты ее лица, тонкие и удивительно изящные, казались змею высеченными теми же всемогущими демонами, что создали его облик на попрание человеческого разума. Только ее дивный лик должен был губить мужские сердца. Но возможно, что одержимость чудища страхом окрасила ее лицо в столь притягательные тона. Монстр подплыл к ней и стал вращаться вокруг своей оси, сворачиваясь кольцами. Как далекая звезда, он спустился с неба, чтобы полюбоваться этим упоительным изгибом чувственных губ, угольной чернотой бровей, милыми ямочками на щеках, и унести сладкий образ с собой в холодные космические бездны, лишённые женственности и совершенства форм. Девушка не отставала от чудища и тоже созерцала его, благоговейно замерев и не смея пошевелиться.

И вдруг, когда змей уже подумал, что надо переходить к игре в догонялки, когда он представил, как эта соблазнительная девица с истошными криками убегает от него, как он любит безупречными контурами ее удаляющейся фигуры, девушка... расхохоталась.

– Уффф, ну и примерещится же! – произнесла она, протирая выступивший на лбу пот. – Не зря я искала эти штуки... Ни одна химия не сравнится с этими грибочками... Никогда не встречала такого ужаса! Вот это класс!..

Озадаченный Змей прекратил свое вращение. По всей видимости, девушке показалось, что он лишь иллюзия, навеянная "волшебными" грибами. Как рассерженный отец, он сразу наполнился яростью к этим маленьким красно-черным проказникам, избавляющих девушек от страха и позволяющих им потешаться над его ужасным обликом. Он с досадой почувствовал, как ее пульс успокаивается. На прекрасном лице воцарилось облегчение – по всей видимости она ожидает, когда придет очередь нового видения. Ну что ж, сейчас он превратит игры разума в игры с настоящей чудовищностью!

Змей вострепнулся и обвился мощным туловищем вокруг хрупкого тела. Страх вернулся в ее сузившиеся зрачки, но монстр уловил, что к его любимой эмоции добавилась какая-то иная. В ее взоре играл самый настоящий задор! Чернейший дух змея возмущился такой вопиющей наглостью. Эта особа думает, что он просто решил покатасть ее? Полагает, что настало время чудесного сновидения? Сейчас ее разум опустится в самый настоящий кошмар! Он совершил гибким телом незаметное движение – и вот, девушка уже сидит на нем верхом. Если желает покатасться, то пусть пеняет на себя!

Змей устремился вперед. Сперва летел небыстро, потому как опасался повредить чрезвычайно уязвимое человеческое тело, ненароком ударив его о деревья. Он повернул шею и с раздражением обнаружил, что ее глаза светятся неподдельным восторгом.

Змей взмыл вверх и поднялся над верхушками деревьев. Он почувствовал, как девушка схватилась за его рога. Что ж, теперь он может не бояться, что она упадет. Со скоростью смерча чудовище понесло ее сквозь воздух, ставший плотной и холодной субстанцией. Внизу все слилось в сплошную зеленую полосу. Шум ветра казался бурей, сквозь которую даже он не мог слышать ее криков и разобрать, крики это экстаза или паники. Чтобы не дать ей и шанса остаться равнодушной, чудовище, не сбавляя скорости, стало подниматься выше. Вот они пронзили облачную страну призрачных и неясных форм и выпрыгнули навстречу гигантской серебряной луне. Бескрайние леса превратились в темно-зеленые пятна, глубокие озера – в лужицы, а полноводные реки, пронзающие этот заброшенный уголок мира, – в тоненькую серебристую паутину.

Змей поймал себя на неудержимом желании унести прекрасную девицу еще дальше. Дать ей полюбоваться безжизненными кратерами Луны, восхититься сметающими все на своем пути и никогда не спящими бурями на Венере, поразиться холодом и пустотой бесконечного космоса! Но ее тело не было способно вместить весь этот поразительный опыт. Он еще раз оглянулся и прочел на ее лице иступленное ликование от захватывающей дух прогулки.

Монстр прорезал небесную твердь и с безумной скоростью стал падать в объятия земли. Вот внизу показалось печально знаменитое Черное озеро. Змей устремился к его зеркальной поверхности. Спустя пару секунд он обрушился на отражение луны в недвижной озерной глади и ушел под воду, породив море брызг. Они с головой накрыли упрямую девицу. Он поднялся чуть выше, чтобы половина его тела находилась над водой. Теперь полностью мокрая девушка сидела на нем, как на диковинной лодке. Какое-то время он разрезал поверхность озера, давая ей вдоволь насладиться прибрежными красотами.

Наконец, подумав, что прогулка и морские процедуры выдули весь морок из ее разума, Змей долетел до суши и позволил девушке обессилено опуститься на землю. Он снова завис над ней и стал привычно вращаться, ибо неподвижность необычайно тяготила его существо. Змей оглядел прилипшую к коже влажную одежду, делающей заметными волнующие очертания ее молодого тела. Он не удержался и обвился вокруг нее, заключив в объятия, словно пылкий юноша. Переиди он грань, отпусти контроль буквально на мгновение, любительница запретных удовольствий была бы моментально раздавлена его могучим телом. Возможность испытывать ужас снова вернулась к ней, и Змей несказанно обрадовался этому обстоятельству. Тепло ее тела пожиралось его ледяной чешуей. Монстр поднялся в воздух и замер, наслаждаясь ее близостью, любуясь сверкающим платьем, в которое облачили ее собственные ужас и

изумление. Как величайшую драгоценность держал он ее в объятиях, думая о том, что даже его чудовищность не в силах заставить его причинить вред такому чуду. Он был совершенной оправой ее непревзойденной красоты.

– Что ж, – прошептала она, – если мне суждено умереть, то здорово, что мне посчастливится погибнуть от рук такого поразительного существа...

Монстр удивился, что в такой проникнутой здоровьем и красотой девушке может обитать пессимизм. Она должна отчаянно цепляться за жизнь и умолять его не пожирать ее, а вместо этого находит странное наслаждение в мысли о своей причудливой гибели. Он взгляделся в ее глаза и нащупал на их дне ужасную и грозную силу, способную разрушить что угодно на земле. Он словно посмотрел на собственное отражение. Тоска и гнетущая печаль обхватили ее душу точно также, как он обвил ее тело.

– А ты красивый! – произнесла она уже более спокойно. – Хотя и страшный. Ты сон?

Змей молчал. Он не умел говорить.

– Мне было весело с тобой. И ты не докучал лишними словами. Так что будь ты мужик, может быть у нас с тобой что-нибудь и вышло...

Она явно думала, что чудище не понимает ее слов, не в силах вообразить, что нечто подобное человеческому разуму способно существовать внутри столь ужасающего облика. Наверное, она пыталась себя успокоить этой глупой бравадой, но Змею было почему-то очень приятно слышать эти слова, ибо он все понимал.

Чудовище опустилось и беззвучно отплыло от девушки. Он не мог позволить себе играть с нею всю ночь – чужая воля снова напоминала о себе и требовала приступить к более скучным делам. Дрожащая от холода девица растеряно наблюдала, как он начинает медленно удаляться.

На фоне огромного озера с окаймлявшими его далекие берега гигантскими тысячелетних кипарисами и елями девушка казалась чудищу удивительно маленькой. Змею стало так жалко ее. Темный лес высился над ней колоссальным исполином, держащим ее в своих косматых лапах. Этот природный великан мучил ее своей вечностью, своей безграничностью и равнодушием, точно так же как терзала душу девушки живущая в ней всесокрушающая грусть.

Дух Змея, слепленный демонами из сумрачной плоти своих самых чудовищных кошмаров и безумных грез, содрогнулся от странной тоски. Ему захотелось вернуться к странной девице и разорвать своими алмазными когтями ее печаль. Но даже он не в силах был сделать подобное. И словно желая выпрыгнуть из собственной гнетущей тоски, он взвился огненной стрелой в небесную высь.

Поднявшись на недостижимую ни для птиц, ни для чьих-либо взоров высоту, монстр обзрел полотно лесов, озер и рек, разбросанных по округу Спирос. С заоблачной высоты эта почти необитаемая часть страны стала видна целиком: темно-зеленая масса, с трех сторон света окруженная горными пиками и словно пытающаяся ускользнуть в бескрайний океан на юге.

Чудовище на несколько минут зависло в разряженном воздухе, вращаясь вокруг своей оси, словно далекий от людей, неизведанный спутник планеты. Он любил висеть в пустоте и мечтать, мечтать, мечтать... И фантазии его были бесконечно далеки от людей, как и его устрашающий вид.

Змей вильнул хвостом и полетел исполнять поручения той самой воли, что раздражала его вечными призывами к ограничению. Несомненно, самым замечательным впечатлением от сегодняшней ночной прогулки станет встреча с этой потрясающей девушкой. Увидит ли он ее снова? Монстр не знал, но очень надеялся. И надежда эта заставляла его восьмикамерное сердце с нестареющими кремневыми артериями и сапфировыми клапанами страстно трепетать.

Вторая глава. Центр обеспечения здоровья

Валентин проснулся в холодном поту.

Часы, стоящие на прикроватной тумбочке, показывали семь часов утра. Как всегда, в промежутке между шестью часами и моментом пробуждения, ему снился мучительный сон. В окаянном сновидении Валентин разглядывал свои хрупкие негнущиеся конечности, скрученные силой страшного заболевания. Он хотел пойти вперед, но падал, не имея возможности сделать и пары шагов без костылей, которые он почему-то самонадеянно выбросил. Под конец сна Валентин добредал до зеркала и с ужасом оглядывал свое лицо. Из-за непропорционального развития лицевых костей оно выглядело чрезвычайно уродливо, будто невидимая рука болезни с силой сжала его череп.

Только освободившись от власти преследующего его сновидения, Валентин, не медля ни секунды, бодрым и энергичным движением встал с кровати и направился в ванную.

Из зеркала на него посмотрел тридцатилетний мужчина с прямыми чертами лица, высоким лбом и умными серыми глазами. Словно насмехаясь над хилым и болезненным образом из сна, торс покрывали бугры мышц. Только одна эмоция озарила лицо Валентина спустя секунду после созерцания своего отражения. Облегчение. И сразу же за ним – смущение от собственной глупости. Ведь в процедуре утренней проверки не было никакого смысла. Будь он тем самым беспомощным калекой, в которого превращался каждую ночь по милости безжалостных сил сновидного мира, он понял бы это сразу после пробуждения. В таком случае он не смог бы так быстро и безболезненно добраться до ванной комнаты. Но что-то заставляло его каждое утро совершать этот бессмысленный ритуал. Только исполнив его, Валентин убеждался, что сновидение, преследующее его последние пять лет, снова показывало ему картину жизни кого-то, кто давно умер и не имел никакого отношения к Валентину Стронгхолду.

Валентин умылся и пошел на кухню.

Его завтрак, в отличие от нелепого сновидения, напротив, был до скуки банальным для обладателя такого атлетического телосложения – огромная порция овсянки и творог с сухофруктами. Заварив чай и залив кашу кипятком, Валентин уселся за стол и погрузился в обычное утреннее чтение научных журналов. В этом факте с первого взгляда не было ничего удивительного, учитывая, что господин Стронгхолд работал в одном из подразделений Института аномальной биологии округа Спирос.

Институт располагался на границе обширной зоны реликтовых лесов, в которой частенько видели существ, поражающих воображение и не охваченных устоявшимися классификациями. Народная молва называла этих тварей монстрами, а ученое сообщество – живыми объектами неопределенной природы. Именно странная фауна этого леса и заставила воздвигнуть институт в далеком от сердца империи крае. Так как в обитаемой части Спироса имелось некоторое количество народа, желающего получить высшее образование и не стремящегося при этом покидать славный природный уголок и отправляться на шесть лет в столицу, то институт аномальной биологии со временем обзавелся целой когортой мощных факультетов. Первенство держали биологический факультет и не отстающий от него медицинский, благо изучение редких растений и природных аномалий пошло пониманию человеческого организма на пользу.

Пока Валентин с аппетитом, который всегда имелся в его здоровом теле, поедая необычайно полезный и калорийный завтрак, он успел прочитать около трех статей в разных журналах. Одна из них особенно заинтересовала его. В ней шла речь о возможной находке одного из путей лечения синдрома Кагона – страшнейшего заболевания, впервые описанного древним врачом Кагоном и остающегося до сих пор неизлечимым. Недуг неизвестным способом в

самом младенчестве проникал в древние области мозга, управляющие движением и ростом, и грубейшим образом нарушал работу мышечной и костной систем. Тело не могло расти нормально, превращая ребенка в инвалида. Несмотря на развитие фармакологии и хирургии все попытки остановить и полностью победить синдром Кагона до сих пор не увенчались успехом. Оставалось лишь путем изнурительных упражнений и каждодневной работы бороться за каждый сантиметр подвижности и толику силовых возможностей пациента. Человек, страдающий синдромом Кагона, производил жалкое зрелище, и по неведомой прихоти судьбы вид этого несчастного полностью копировал облик человека из страшного сна, терзающего Валентина Стронгхолда последние пять лет.

Валентин жадно впился глазами в статью и на одном дыхании прочел ее до результативной части, автоматически заглатывая завтрак. Однако, выводы научного коллектива из далекой Тритландии оказались более, чем скромными. Они смогли выделить лишь один из путей, по которому в самом начале болезни расходятся поражающие импульсы. Так что имелаась смутная надежда, что при ранней диагностике можно замедлить ее развитие. Но Валентину этого было недостаточно. Он хотел найти способ вылечить этот проклятый недуг в любом возрасте. Самым забавным и странным в его желании был тот факт, что Валентин вовсе не был врачом.

Закончив завтрак и с недовольством отложив журнал, он сунул парочку еще не прочитанных его собратьев в большой кожаный портфель и подошел к кровати. Посмотрев для чего-то в окно, Валентин приподнял матрас, а после – оказавшееся съемным основание, которое скрывало внутреннюю нишу. В ней лежал странный набор: какие-то ракушки, пара пучков резко пахнущей травы и нечто смутно напоминающее присоски щупальца осьминога. Валентин бережно упаковал все это в специальное отделение своей сумки. После этого он предельно аккуратно застелил постель, плотно закрыл открытое настежь широкое окно и направился на работу.

По никому не ясной причине Валентин жил за пределами институтского городка, так что каждое утро ему приходилось преодолевать порядка восьми километров. Он мог купить себе излюбленное в институте и вообще на всем Спиресе средство передвижения: мотоцикл, или, на худой конец, велосипед. Но в Валентине с самого утра бурлило столько энергии, что он был чрезвычайно рад летящей походкой пробежать эти километры пешком.

К тому же он обожал ходить! Как это славно: быть способным совершить шаг. Да, не один шаг, хотя это уже много. А целую тысячу шагов!

Проходя по тропинке, освещенной ласковым летним солнцем, Валентин продолжил обдумывать содержание прочитанных за завтраком статей. В его размышлениях силились прорваться мысли о чрезвычайном происшествии, которое так грубо нарушило привычный ход его ночного досуга, помешав собрать часть необходимых ингредиентов. Но железная воля Валентина не позволяла даже такой неординарной вещи отвлечь его от утреннего интеллектуального часа. Он привык использовать путь до института для бурного и напряженного размышления о направлениях научного поиска. Этот час он должен тратить на поиск путей восстановления здоровья его пациентов, а не на пустую рефлекссию.

Из-за туманной дымки стали проступать контуры институтских корпусов. Вот уже четыре с половиной года Валентин числился сотрудником института аномальной биологии. Тот причудливым образом соединял в себе весьма солидную историю и традиции с обычными проблемами недофинансирования, присущими любому отдаленному и позабытому столичными чиновниками филиалу. Округ Спирос был глубокой провинцией, заброшенной и заросшей непроходимыми лесами и болотами. Лето здесь было жарким и сухим, зима морозной и снежной, а осень и весна больше напоминали стихийные бедствия. На базе института функционировал Центр обеспечения здоровья, до должности руководителя которого Валентин дослужился около года назад.

И хотя Валентин за время работы стал довольно влиятельной фигурой, продемонстрировав высокий профессионализм и незаурядные способности, он был здесь лишь гостем. Свою молодость он провел в столице – древнем и величественном Ольвертигоне. Закончил с отличием Императорскую Академию, блестяще отучившись на факультете патобиологии, и защитил кандидатскую диссертацию о естественных механизмах восстановления организма. По крайней мере, так прошлое Валентина описывали документы, предоставленные им в Ученый совет и кадры института аномальной биологии округа Спирос. Сам Валентин по неизвестной причине не любил вспоминать о своей учебе и родном городе. Но из-за того, что он вел довольно нелюдимый образ жизни, эту его особенность могли заметить лишь немногочисленные коллеги. В разговорах с ними он непременно ссылаясь на слабую память, которая почему-то великолепно справлялась с фиксацией научных фактов и теорий.

Именно эта выборочно функционирующая память вкупе с удивительной работоспособностью и аналитическим умом позволили Валентину совершить рывок в карьере сотрудника провинциального научно-исследовательского института. Однако, более нескладного и противоречащего привычным административным регламентам подразделения, чем Центр обеспечения здоровья, сложно было себе представить. Исторически в это подразделение решили объединить тех сотрудников института, которые могли бы вести практические занятия по физической и психической культуре. Позже Валентин за несколько лет создал корпус реабилитации, который поднял авторитет Центра на новый уровень и сделал его конкурентом могущественного медицинского факультета. Но несмотря на эти достижения, над возглавляемым Валентином подразделением скорее снисходительно посмеивались, изредка признавая пользу одной единственной стоящей линии работы – а именно реабилитации.

Первоначально идея выделить из общей структуры института подразделение, нацеленное на развитие физической культуры, возникла семь-восемь лет назад, в опасную эру ожидания военного конфликта с соседним государством. Это напряженное время породило увлечение императорской администрации всеобщим поднятием физической крепости молодого поколения, в том числе студентов. Напряженность спала, но новообразование по инерции продолжило самостоятельное существование. Ректор усмотрел в этом подразделении то место, куда можно безболезненно скинуть всех странных и неуправляемых научных сотрудников и преподавателей, которые мешали проводить нужную ему политику. Чтобы иметь повод сослать их в новоиспеченный Центр, пришлось несколько расширить его функции. Ректор и не ожидал, что несмотря на все его старания, с приходом Валентина это подразделение станет настолько эффективным. Со временем Центр обеспечения здоровья превратился в сборище чудаковатых персонажей: гениальные и удивительно трудолюбивые сотрудники были здесь равномерно перемешаны с совершенными глупцами и лентяями.

Валентину не было нужды попадать в центральный корпус. Штаб-квартира Центра обеспечения здоровья находилась в небольшом, местами обшарпанном двухэтажном здании. Западным торцом оно примыкало к овальному куполу, где располагались спортивный зал и реабилитационные помещения.

Валентин открыл скрипнувшую дверь, требующую замены, и поднялся по стертým ступенькам на второй этаж. Краска кое-где облупилась, а напольная плитка стала напоминать мозаику из-за вездесущих трещин. Финансирование по-прежнему выделялось на их Центр в последнюю очередь. А учитывая, что бюджет этого провинциального института изначально не был грандиозным, Валентину приходилось работать в условиях почти полного отсутствия средств.

В общей комнате, созданной для проведения совещаний и совместного распития чая, сидел один лишь Льюис. Перед ним стояла тарелка с бутербродами и чашка кофе. Он неспешно пережевывал нехитрый завтрак, параллельно листая толстенную книгу под названием "Непри-

менимость в ментальном человекомерном пространстве логики переходов Карфельда для себя-в-себе-бытия".

– Привет, Льюис, – Валентин поставил портфель на стол и завистливо уставился на аппетитные куски жирной колбасы, которые венчали бутерброды.

– Доброе утречко, Вал.

Глаза Льюиса украшали синяки, образовавшиеся от бессонной ночи. В случае этого занятого человека недостаток сна с равной вероятностью мог объясняться как масштабной пьянкой, так и чтением до утра заумного философского труда. Льюис уловил в глазах шефа голодный блеск и учтиво пододвинул тарелку с закуской ровно на полсантиметра в сторону стола Валентина.

– Не желаешь перекусить?

– Хм, я завтракал...

– Это понятно. Как же ты мог выйти из дома без приема ведра какой-нибудь размоченной недоваренной крупы? Но ты же не преминул проделать миллион отжиманий по пути, не так ли? – голос Льюиса был мягким и спокойным, чуточку гнусавым.

– Ну... Это не очень полезная пища... – Валентин страдальчески втягивал в ноздри соблазнительный аромат, сообщаящий ему о том, что Льюис добавил в бутерброды толику лучка и тонко нарезанные помидоры.

– Как хочешь, – равнодушно отозвался тот.

– Ладно, один можно.

Валентин стремительно подлетел к столу своего подчиненного. Взяв тост, он поинтересовался, вспомнив их вчерашний разговор:

– Как твое свидание? Ты вроде собирался охмурить эту красотку... как ее?

– Сюзи, – спокойно кивнул Льюис, вытирая салфеткой рот и делая глоток кофе. – Я потерпел неудачу. Впрочем, этого стоило ожидать. Я занял позицию выбирающего, а не выбираемого...

Валентин усмехнулся. Он налил себе чашку кофе.

– Ты смог обнаружить ошибку?

– Это не столь трудно, когда тебе явно и однозначно указывают на нее, сопровождая это средствами эмоционального усиления выразительности, – пространно отозвался Льюис. – Но я не мог поступить иначе...

– Что же произошло? – Валентин был вконец заинтригован.

– Я отказался платить за нее в кафе.

– Такая глупая ошибка? – изумился Валентин. – Ты опять потратил все деньги на печатание своих мемуаров?

– Нет, деньги были. Я не стал оплачивать ее счет вполне осознанно. Пусть это традиция, но я не понимаю, почему любовь двух людей должна быть каким-то образом опосредована платежными средствами. Но она обвинила меня в скупости. Представляешь?

– Представляю. Льюис, ты должен хотя бы иногда напоминать себе, что не все люди игнорируют общепризнанные ценности с такой легкостью, как умеешь это делать ты, – мягко заметил Валентин.

– А что потом? – спросил Льюис, будто не слыша его. – Она попросит купить ей дом? Или потребует другой формы платежа за свою красоту? Например, написать за нее докторскую?

– Она просто возмутилась твоим отказом платить, – устало вздохнул Валентин. – Девушки не любят скряг. Надо было сразу объяснить ей, что ты свободный философ...

– Нет! – глаза Льюиса гневно сверкнули. – Никогда! Я мыслитель, ученый, странник в этом мире. Я был бы рад называться философом и относить себя к подлинным почитателям мудрости. Но в последнее время этот термин опорочили, применив его к целой научной специальности. Подумать только, они назвали группу бестолковых людей, объединенных в нее

только в силу умственной слабости и неспособности к реальной работе, тем священным именем, которым издревле называли лучших титанов мысли!

Валентин только пожал плечами.

– Для этих неучей годится лишь словосочетание "философский работник", – Льюис выплюнул эту фразу с таким выражением лица, будто его вот-вот стошнит.

– Э, ну ладно-ладно, остынь. Ты хоть сделал выводы?

– Сделал, но тебе лучше о них не знать, – убежденно заявил Льюис.

– Ясно...

Валентин доел бутерброд и вытащил из портфеля журналы, положив их на стол рядом с горой собратьев. Содержимое тайной секции с неизвестными биоматериалами он, заслонившись от Льюиса широкой спиной, поместил в сейф.

Затем он сел в кресло и посмотрел с задумчивой улыбкой на Льюиса, который вновь углубился в чтение исследования несуществующих проблем в несуществующем измерении. Этот удивительный человек относился одновременно к двум категориям сотрудников, населявших Центр обеспечения здоровья. Он был, несомненно, случайным человеком на своей текущей должности, оставаясь при этом невероятно одаренным ученым.

Льюис Гольструм возглавлял корпус пропаганды здорового образа жизни. Этот корпус вобрал в себя самых разносторонних личностей: отчаянных лентяев, ибо внедрение эталонов здоровья в умы сотрудников было абсолютнейшей профанацией, и разочаровавшихся в их областях науки талантливейших ученых, по той же, кстати, причине. Последние, к которым, вне всякого сомнения, относился Льюис, могли отдохнуть от наскучивших им академических проблем и творить в свободном режиме, не беспокоясь об одобрении Ученым советом их неоднозначных исследований. Льюис был настоящим философом. Он владел тремя специальностями, желая в своем универсальном знании походить на мыслителей древности, соединявших в котле своего разума все тайны мира и отрасли знания. Но философский факультет, который десятками лет спорил о том, нужна ли вечная жизнь человеку, не имея, правда, ни одного биологического открытия для такого переворота в реальности, упрямо не понимал творчества Льюиса. Последней каплей явилось направление Льюиса рекомендацией декана факультета на психиатрическую экспертизу за употребление терминологии, не понятной самому декану и ведущим деятелям этой области. Тогда Льюис выбросил свою кандидатскую в окно и пошел узким путем, которым способны идти лишь немногие. Он стал частью Центра обеспечения здоровья, возглавив самое бессмысленное его крыло, являющее собой пристанище всех утомленных путников, бредущих по тропе научной истины.

Валентин разложил перед собой журналы и стал вырезать из них фрагменты с нужными ему статьям в большую тетрадь.

Весь день Валентина был расписан по минутам. Планирование, наряду с дисциплиной, было жизненно необходимо Валентину. Оно не только позволяло все успеть, но и исполняло самую главную задачу. Без проекта дня Валентин просто не знал бы, чем занять себя. Ему требовалась внешняя направляющая сила, чтобы организовать свое бытие. Как такой недостаток, такая болезненная лень чувств и желаний, могли иметься у столь трудолюбивого человека? Не было ли это проявлением тяжелой болезни? Так как никто в институте не догадывался об истинном значении для Валентина означенных планов, то некому было и гадать об этом.

К десяти часам тишину кабинета нарушила Глория. Она пришла точно по расписанию, чтобы съесть припрятанную заначку.

– Добрый день, шеф! – приветливо улыбнулась девушка, помахав Валентину рукой.

– Привет, Глория! Как первая пара? – Валентин оторвался от чтения.

– Устала, – поделилась Глория, копаясь в холодильнике. – Потеряла, наверное, тысячу калорий! Надо немедленно восполнить...

Она достала внушительный сверток и положила на свой стол, стоящий в противоположном от Валентина конце общей комнаты. Упаковка скрывала половину жареной курицы и щедрую порцию белого хлеба.

Утомление, написанное на лице Глории, сменилось радостью. Она поставила на стол банку сладкой газировки и принялась страстно поглощать аппетитное блюдо.

– Оставить тебе, шеф?

– Нет, спасибо, – Валентину снова пришлось напрячь свою волю. – Я дождусь обеда. Студенты не буянили?

– Один попытался, – усмехнулась Глория. – Полтинник отжиманий поумерил его пыл. Он хотел было подколоть меня, попросив показать, как надо отжиматься. Ха! За это получил еще сотню. После этого уровень порядка пошел на поправку.

Валентин улыбнулся. Как же он любил своих подчиненных!

Глория Мейзен возглавляла корпус физической культуры. Она отвечала за всю работу по проведению обычной физической подготовки у студентов и ведала специальными секциями, готовящими спортсменов. Парадокс этой ситуации состоял в том, что Глория не только не имела к спорту никакого отношения, но и весила за сто килограммов. Причем соотношение жировой и мышечной ткани было не в пользу последней. Она выросла в богатой семье влиятельных чиновников от науки, которые посчитали, что лучший способ похудеть и обрести здоровье для их дочурки – это учить всему этому других. Но если тело Глории было массивным, то душа была легкой и веселой. Она согласилась, чтобы не обижать родителей, и непринужденно стала играть роль знатока здорового образа жизни. При этом, она нисколько не комплексовала и не собиралась исполнять родительский завет. Глория продолжала есть как обычно и не прибегала к нагрузкам. Валентин как-то предложил ей написать специальную программу для похудения и обещал добыть безопасные жиросжигатели. Но Глория ответила, что надо любить себя такой, какая есть. На острожные рассуждения Валентина про трудности привлечения противоположного пола, она в стиле Льюиса ответила, что ее вторая половинка должна полюбить ее душу, а не тело.

Корпус физической культуры, возглавляемый Глорией, состоял из спортсменов, получивших травмы и лишенных возможности продолжать карьеру, и чистых теоретиков-лентяев, которых выгнали за неуспеваемость с медицинского и биологического факультетов.

Глория была одета в неизменный спортивный костюм. Но даже его гигантские размеры не могли скрыть объем жира, покрывающего ее тело. Темные волосы собраны в пучок, губы щедро намазаны алой помадой, а глаза выделены черной тушью. Она была простым, прямолинейным и очень порядочным человеком.

– Ну что, шеф, есть успехи в лечении той ужасной дряхлости, которую ты так любишь? – спросила Глория.

– Нет. Пока никто не смог подступиться к механизму работы этого вируса. Есть подходы с хирургическим усекновением места его обитания – по всей видимости, это гиппокамп – но из-за размытой локализации можно повредить мозг, а это представляется чрезмерно опасным мероприятием...

– Может быть, это судьба, шеф? – простодушно изрекла Глория.

Льюис поднял на нее предостерегающий взгляд, но было поздно.

Валентин мгновенно стал мрачным. Даже его терпения не хватало, чтобы спокойно рассуждать об этой проблеме.

– Это не судьба, – твердо произнес он. – Это просто ошибка природы, что заложила в этот чертов вирус слишком много знаний об устройстве человеческого тела! Те люди, которых болезнь Кагона превратила в... В общем, они заслуживают здоровья в той же степени, как и все прочие. Наша задача – победить эту болезнь. Здесь нечего обсуждать!..

Глория немного смутилась и вернулась к еде.

– Ладно, не забудь, что через месяц зачеты. Надо подтянуть группы по всем показателям, – Валентин встал и направился к выходу. – Если начальство будет искать, я в реабилитации...

– Хорошо, шеф, – синхронно ответили Глория и Льюис.

Валентин мгновение помедлил, прежде чем толкнуть дверь, над которой красовалась вывеска "Корпус реабилитации". На пороге зала, который должен был заслуженно являться его гордостью, Валентин всегда испытывал смешанные чувства. Каждый раз туманный призрак прошлого безжалостно и неумолимо загонял в его душу болезненную занозу, причиняющую необъяснимую тоску. И только безупречная воля помогала ему совершить никому не видимое, грандиозное усилие и открыть дверь.

С первых шагов его состояние почти сразу приходило в норму. Он с головой погружался в атмосферу тяжелого и изнурительного труда, которому без остатка отдавались и пациенты, и тренеры.

Зал представлял собою просторное помещение с высоким потолком. Он был разделен на секторы, обозначенные разными цветами. В одном сосредоточились обычные с виду тренажеры, не сильно отличающиеся от привычных силовых агрегатов рядового спортивного зала.

В другом секторе находились откровенно причудливые конструкции, которые позволяли растягивать и напрягать двигательную систему пациентов, глубоко пораженных болезнью. Эти уникальные дорогостоящие тренажеры, часть которых была произведена за границей, были приобретены исключительно за личные средства Валентина. Бюджет института не имел статей расходов на столь специализированный комплекс. С самого первого дня работы в Центре обеспечения здоровья года назад Валентин стал по крупицам собирать эту секцию и добывать редкую литературу, чтобы понять их работу и научить других.

Третья секция была полностью пустой и предполагала работу на полу. В ее углу были сложены ровными рядами резиновые коврики и мягкие маты.

Четвертая зона была оборудована рядами механизмов, помогающих ходить, используя опору. Их называли инвалидными туннелями, и арсенал их был велик.

Валентин стал обходить владения, придирчиво всматриваясь в своих подчиненных и их подопечных, совершающих нелепые, рваные движения в попытке выполнить указанное упражнение. Здесь проходили восстановление после тяжелых операций и травм. Кроме того, часть пациентов, имеющих врожденные недуги костно-мышечной системы, занималась здесь на постоянной основе.

До прихода в институт Валентина сторонники традиционных теорий почитали подавляющую часть этих патологий непригодными для реабилитационного воздействия. Они использовали лишь старую добрую хирургию, таблетки и прочие грубые вмешательства, которые редко возвращали пациентов к подлинно здоровой и активной жизни. Валентин с его пытливым умом и привычкой сомневаться в навсегда данных достижениях отечественной науки, за год сумел внедрить несколько современных методик, показавших великолепные результаты. Но они, разумеется, были бы невозможны без увлеченных и готовых отдать все свои силы сотрудников реабилитационного корпуса.

Одним из таких самозабвенно преданных делу помощи восстановления потерянного здоровья был руководитель реабилитационного корпуса Марк Угнессон. Валентин увидел его возле одного из брусев. По нему чрезвычайно медленно, делая полшага в минуту, брел один из пациентов. Было видно, что каждое движение дается ему ценой невероятных усилий. Марк с доброй улыбкой, которая никогда не покидала его лицо, терпеливо поддерживал человека за поясницу.

Валентин направился к Марку, на ходу вспоминая свои первые впечатления об этом человеке. Когда он только перевелся в Центр обеспечения здоровья, отдельного корпуса реабили-

тации не существовало. Его роль исполнял небольшой уголок спортивного зала, в котором на добровольных началах работало несколько человек, одним из которых был Марк. История этого человека была крайне занимательной. Всю свою жизнь он занимался спортом и демонстрировал великолепные результаты. Сложно сказать, что было тому причиной – дарованное природой непревзойденное здоровье или безумная целеустремленность. Марк имел рост под два метра и внушительную мускулатуру. Он занимался силовым троеборьем и был гордостью института на соревнованиях различного уровня. Но однажды судьба послала Марку испытание. На соревнованиях он получил травму и был вынужден пройти курс реабилитации. Растягивая и укрепляя сухожилия под присмотром врачей в реабилитационном отделении, которое тогда располагалось в больничном крыле медицинского факультета, он к своему безмерному удивлению столкнулся с множеством по-настоящему больных людей, ослабленных травмами и тяжелыми операциями. Для них даже тот уровень нагрузки, который он применял в своей реабилитации, был совершенно недостижим. В то же время Марк видел, что врачи либо не хотят, либо не умеют высвободить самую главную силу, которую он так хорошо научился использовать в спортивной карьере. Волю. Пока Марк восстанавливался, он стал помогать другим пациентам. Очень скоро он, не имея специального образования, усовершенствовал многие упражнения и стал негласным тренером. Он превратил больных и бесконечно слабых пациентов этого забытого богами отделения в настоящих спортсменов в деле достижения сверхрезультатов, которые для них заключались порой в способности сделать один единственный шаг без костылей и опор. Он научил их не обращать внимания на боль, ставить долгосрочные цели и не бояться пути в тысячу шагов. И когда через два месяца срок его восстановления завершился, и Марк получил долгожданную возможность вернуться к профессиональным тренировкам, он осознал, что не может покинуть этот зал. Необходимость оставить всех этих людей, которые смогли пойти на поправку только благодаря ему, стала первой и последней высотой, которую он не сумел взять.

Марк почти все свое время проводил в зале. Он был настолько силен, что мог таскать пациентов на руках. Что иногда и делал. И хотя более преданного своему делу человека Валентин не видел никогда в жизни, он был более всего строг и требователен прежде всего к Марку, потому как считал реабилитацию самым важным направлением работы их Центра.

Когда Валентин подошел к старейшему сотруднику реабилитационного отделения, то даже его статная фигура поблекла на фоне этого здоровяка. Марк приветливо помахал свободной рукой.

– Добрый день, как ваши успехи? – с привычной строгостью уточнил Валентин.

– Ходим потихонечку, – ответил Марк. – Но быстро устаем.

Худой человек в корсете, сковавшем всю верхнюю часть торса, кивнул. Было видно, что он тоже хотел что-то ответить Валентину, но слишком запыхался и не мог отдышаться. Его ноги и руки била крупная дрожь, а со лба ручьями катился пот.

– Вон скока прошли! – горделиво провозгласил Марк таким тоном, что становилось ясно, насколько он искренне восторгался успехами больного. Он показал пальцем в сторону висящей на одном из поручней красной резинки, которую использовал для замера пройденного расстояния.

– Правильно говорить "сколько", – автоматически поправил Валентин. – Это ваш очередной рекорд, господин Леттэн?

– Нет еще, уххх, – мужчина, нетвердо стоящий на ногах, наконец смог отдышаться, – еще далеко! До зеленой еще далеко...

Валентин увидел в паре метров зеленую резинку. Этот господин получил обширную травму после удара молнией, которая на полгода приковала его к кровати. Все его мышцы атрофировались и с большой неохотой откликались на требование вновь начать исполнять свои

функции. В таком состоянии эти ничтожные метры были для него сродни длинному загородному шоссе, уходящему за горизонт.

– Может, на сегодня прервемся, мистер Угнессон? – он умоляюще поднял трясущуюся голову на Марка.

Тот придерживал запыхавшегося пациента здоровенной пятерней за подмышку, что и давало ему возможность найти каплю сил для этой малодушной просьбы.

Валентин замолчал и, затаив дыхание, тоже обратил взгляд на Марка. Даже самому Валентину доставляло огромное удовольствие наблюдать, как этот человек, не имеющий ни медицинского, ни психологического образования, способен разговаривать с пациентами.

– Конечно, старина, о чем речь! – с простодушной улыбкой отозвался Марк. – Но твое волшебное кресло стоит возле красной отметки, так что придется вернуться обратно.

– Но это же дальше, чем осталось! Я не могу... – прохрипел страдалец.

– Не можешь? Отчего же? Надо лишь понять, в чем проблема. Почему тебе хочется поскорее сесть в свое инвалидное кресло и поехать отдыхать?

– В чем проблема?! – с просыпающейся яростью произнес мистер Леттэн. – Сил больше нет! И болит невыносимо!

– Отлично! – оживился Марк и заметил убежденно, – боль и усталость – это враги и их надо победить. Это твои соперники. Представь, друг, что ты на соревновании. Их надо победить лишь один раз по-настоящему. Покажи им, что они тебе не конкуренты. Покажи им, что они существуют лишь в твоей голове в роли бесплотных призраков. И если они и появятся завтра после такого сокрушительного поражения, то только поджав хвост! Ну что, дерзнешь?

Эта пламенная речь и испытующий, но такой уверенный взгляд не оставляли больному никакой возможности не дерзнуть. Этим и славился Марк – никто не мог остаться равнодушным или потакающим своей слабости. Этот человек учил бороться с самим собой.

Мистер Леттэн сжал губы и мужественно кивнул. Валентин одобрительно покачал головой и направился в глубь зала, чтобы навестить самого главного для него пациента.

Майкл Илнер сидел в причудливо выглядящем устройстве спиной к нему. Его тело совсем не походило на тело двадцатилетнего студента института, которым он являлся. Размёрами туловища он скорее напоминал двенадцатилетнего мальчика. Его ручки и ножки были необычайно худыми и тонкими. Кожа плотно облегалa кости. Одно плечо было значительно выше другого, демонстрируя серьезное искривление позвоночника. Весь организм Майкла был согнут и закручен возмутительной слабостью его мышечной системы. Он был болен неизлечимой болезнью – синдромом Кагона, который навсегда сломал нормальный способ функционирования организма.

Майкл с присущим ему усердием совершал странные микродвижения туловищем. Валентин видел только затылок его головы, нелепо висящей на тонкой шее и наклоненной в сторону от неимоверного напряжения.

Валентин испытал мимолетный приступ ужаса, подходя к нему. Что-то внутри него очень боялось увидеть совсем иное лицо, когда голова этого тяжело больного человека повернется в его сторону. Мерзкое, гнетущее чувство ворвалось в его душу, словно внезапно налетевший на Спирос ураган. Но Валентин привычным ментальным усилием смахнул тоскливое настроение, как жужжащего комара, и подошел к тренажеру.

Майкл услышал шум шагов и обернулся. Его лицо расплылось в натужной улыбке. Эта улыбка напоминала гримасу или лишь пародию на настоящее выражение радости. Не только мышцы корпуса, но и мускулатура и кости лица были деформированы, придавая лицу несколько уродливые черты. Только светлые и чистые голубые глаза горели ясным светом.

Валентин сделал еще шаг и спросил чужим голосом – строгим и твердым, неспособным устрашаться подобным проделкам матушки-природы, равнодушной к отдельному существу и более напоминающей мачеху, а не мать:

– Добрый день, Майкл. Как твои успехи?

– Все отлично, – голос молодого человека был ломающимся и лишенным сочности и звонкости, будто раздающимся из глубокого колодца. – На этой неделе каждый день добавляю по два пункта нагрузки. Марк может подтвердить...

– Тебе помогает то лекарство, что я дал тебе? – уже чуть тише спросил Валентин.

– Да, оно дает кучу сил! Я думаю, что в моем прогрессе виновато именно оно! Но...

– Да, что такое?

– Я слышал, что эти препараты стоят кучу денег... Говорят, что спортсмены покупают их у вас по сотню золотых за упаковку. Мне стыдно... Я... я не могу брать их вот так, бесплатно...

Майкл опустил взгляд в пол и покраснел, смутившись окончательно.

– Это тебя не должно волновать, – еще более строго произнес Валентин.

– Но...

– Все препараты и лекарства, которые мы применяем в лечебных целях, спонсируются администрацией, – соврал Валентин.

– Именно поэтому вы советовали никому не говорить про эти таблетки и ни в коем случае не показывать их врачам?

Валентин усмехнулся и посмотрел в умные глаза Майкла.

– Выбрось из головы все эти глупости. Мы с тобой пытаемся победить этот недуг. Я – как лекарь и ученый, а ты – как носитель его разрушительной природы. Нет времени и нужды думать о таких мелочах, как деньги. Расскажи лучше, как поживает твой диплом по демонологии?

Такой тяжелый врожденный недуг частенько определял круг интересов пациента. Майкл Илнер не был исключением. Физическая ущербность вынуждала его дух стремиться в фантастические дали, следуя народной вере во всемогущих духов и непостижимые миры.

– Отлично! Одна загадка готова открыться в ближайшее время!

– Хорошо, надеюсь, у тебя все получится. Думаю, смогу помочь тебе с практикой. Как-нибудь встретимся и обсудим все это. Твой диплом, честно говоря, вызывает у меня неподдельный интерес, – Валентин несколько не лукавил. – Но не в этих стенах. Здесь ты должен только работать!

– Ясно! Буду стараться!

– До встречи, Майкл, – Валентин направился к выходу.

Валентин с тяжелым сердцем шел по залу. Перед дверью он оглянулся назад и еще раз посмотрел на затылок Майкла. Тот, словно почувствовав его взгляд, обернулся и с трудом поднял вверх тонкую ручку.

Невыносимое, съедающее изнутри все светлое и хорошее ощущение собственной вины перед болезнью Майкла не замедлило обрушиться на него. Почему-то собственное отменное здоровье причиняло своему обладателю моральные терзания, будто он был виноват перед Майклом. Эта душевная боль снедала и мучила Валентина. Однако спустя мгновение, стоило ему вновь отвернуться, тоска дисциплинировано влилась в другое чувство, превращаясь в самую лютую ненависть. И злоба эта пролилась на преступную оплошность природы, породившую синдром Кагона – самую неуловимую и всемогущую гадину из тех, что осмеливались выйти из царства боли и страдания.

Потратив еще какое-то время на обычные заботы руководителя, Валентин понял, что пришло время перейти к другому важнейшему делу. С момента пробуждения прошло уже больше пяти часов, и можно было почувствовать надвигающуюся бурю. Валентин словно наяву видел очертания массивной грозовой тучи и всполохи сверкающих в отдалении молний. Слышал отдаленный трубный грохот громовых раскатов. И кожей ощущал пронизывающий мокрый ветер. Туча плыла к нему, готовая породить ураган и разразиться затопляющим землю

ливнем и побивающим посевы градом. В Валентине бурлило столько энергии, столько тестостерона выбрасывалось в кровь, что он ощущал, как постепенно теряет над собой контроль. Руки начинали подрагивать, а пульс учащался. Ему срочно надо было усмирить эту угрозу. И единственным проверенным способом было провести тяжелую, чрезвычайно интенсивную с точки зрения обычного человека, тренировку.

Валентин спустился в спортзал, вход в который располагался с противоположной стороны от корпуса реабилитации. Переодевшись, он сразу направился в секцию старого доброго железа. Стойки для приседаний, жима лежа, множество блинов и штанг – вот все, что требовалось для настоящей тренировки. Эти хромированные, бликующие в свете ламп металлические поверхности заставили Валентина улыбнуться.

Он бегло поздоровался с немногочисленными посетителями. Вот вечером здесь будет не протолкнуться. Пожимая руки, Валентин надел равнодушную и отстраненную маску, чтобы сразу дать всем понять, что он пришел сюда не болтать, а тяжело вкалывать. Впрочем, старики и не собирались отвлекать его разговорами. Напротив, они поскорее хотели посмотреть на тренировку знаменитого на весь институт атлета.

Тренировка Валентина, действительно, больше походила на представление: сложно было поверить, что кто-то способен десятки и сотни раз поднимать такие внушительные веса. Давным-давно даже возникла теория об особой фармакологической поддержке собственных ресурсов, и Валентина заподозрили в употреблении допинга. Это мнение и утвердилось в умах посетителей зала. А тот факт, что Валентин стал продавать чрезвычайно эффективный препарат для увеличения силы и наращивания мышечной массы, только подливал масла в огонь. В соответствующих кругах Валентин был известен под прозвищем "продавец силы". Кто-то подозревал, что здесь не обошлось без участия скандально известного подчиненного Валентина – доктора Уолтера Грэндса по кличке "доктор Зависимость".

На самом деле Валентин, действительно, продавал сотрудникам и студентам, желающим накачать мышцы, особое чудодейственное вещество, не имеющее побочных эффектов. И в производстве этих веществ ему помогал Уолтер. Но что касалось самого Валентина, то правда заключалась в том, что он не имел никакой нужды увеличивать искусственно свою силу и ускорять метаболизм. Напротив, он имел настоятельную потребность хоть как-то затормаживать бешенное колесо обменных процессов, которые ежесекундно обрушивали на Валентина горы гормонов роста и чистой энергии.

Тренировка Валентина была довольно нехитрой и до скуки однообразной. В его арсенале было не больше десятка упражнений, которые он проделывал в неизменном порядке каждую тренировку. Только базовые движения, только огромные веса, и дикий, противоречащий таким тяжестям многоповторный стиль, шокирующий окружающих. Невероятная нагрузка являлась тем лекарством, что помогало Валентину сдерживать опасную тучу. Час изматывающих упражнений очищал его разум и освобождал тело от позывов... позывов стать чем-то иным. Валентин при такой нагрузке должен был обладать поистине экстремальной массой, если бы невероятный метаболизм тут же не расщеплял и саму мышечную ткань.

По устоявшейся традиции после тренировки Валентин отправился на обед с руководителем корпуса борьбы с зависимостями, ученым с выдающимися заслугами и тяжелым прошлым, доктором неорганической химии Уолтером Грэндсом. Это человек имел одно жизненно важное для друга Валентина качество – имея собственные тайны и проблемы с общественным мнением, он бесконечно терпеливо относился к наличию тайн у других. Они с Уолтером заняли свой любимый столик, находящийся вдали от общего оживления.

"Доктор Зависимость" был одним из самых важных помощников Валентина. Из добытых Валентином растений он выделял и синтезировал в чистом химическом виде действующие вещества, создавая те самые препараты, что так ценились спортсменами на черном рынке и при этом создавали нежелательный ореол вокруг Центра обеспечения здоровья. Однако лич-

ное обогащение мало волновало Валентина. Валентин бы никогда не занимался подобным, но надо было где-то доставать средства для покупки дорогих реабилитационных тренажеров и иностранных журналов. Но даже эта причина не была главной. Основной целью тайной лаборатории доктора Грэндса являлось производство лекарственных препаратов, нацеленных на восстановление здоровья пациентов реабилитационного корпуса.

При этом никогда за всю историю их дружбы и сотрудничества, доктор ни разу не спросил, откуда и каким образом его шеф достает эти не известные современной ботанике травы.

– Проблем с новым веществом не возникло? – поинтересовался Валентин, на всякий случай оглядевшись по сторонам и понизив голос.

– Нет, пока не получается разложить его суть по полочкам, но скоро я найду точную формулу. – отмахнулся Уолтер. – Если что-то будет нужно, я предоставлю список. Как там Майкл поживает? Лекарство помогает хоть немного?

– Помогает, но, разумеется, в недостаточной степени. Как я и ожидал, самыми эффективными средствами оказались простые увеличители силы и прочие энергетизирующие ферменты. Что касается специализированных лекарств, направленных на борьбу с самой болезнью, то вирус ее обходит.

– Даа, – протянул немного расстроено Уолтер. – Вся соль в этой способности менять локализацию и форму... Синдром Кагона не просто так сотни лет остается нерешенной проблемой.

– Но ты же сможешь найти то, что его убьет? – сощурился Валентин.

Уолтер положил подбородок на сложенные руки и несколько мгновений с доброй улыбкой созерцал упрямое выражение лица Валентина.

– Конечно, – легкомысленно протянул он. – Нужно только время. В тех травах, что ты приносишь, скрыта настоящая сокровищница восстанавливающих ферментов и не только...

– Надеюсь на тебя, Уолтер, – серьезно покивал Валентин. – Как твои пациенты? Не забыл, что у тебя есть еще и официальные обязанности?

– Нет-нет, ни в коем случае! Я все помню. Работа с алкоголиками идет полным ходом. Планы по реабилитации со всеми мероприятиями я написал. Плюс, мне удалось синтезировать одно презабавное вещество.

– Что за вещество? – Валентин подозрительно посмотрел Уолтеру в глаза.

– Есть основания полагать, что оно чрезвычайно эффективно в отучении от всех видов зависимости, – на лице доктора промелькнуло мечтательное выражение.

Валентин покачал головой так, словно ожидал подобного ответа.

– То есть ты, как обычно, синтезировал очередной наркотик и хочешь пересадить этих бедолаг на него? Никогда не понимал, в чем смысл такой замены? Только если ты не ставишь себе параллельную цель вылететь с работы и подставить меня, если кто-нибудь прознает про это сумасшествие.

Уолтер вдруг стал невероятно грустным. Его лицо постарело и как-то все осунулось, подернувшись серой пеленой.

– Сумасшествие – это жить, как все эти люди вокруг, – произнес он безжизненным голосом. – Не понимаю, как настоящему живому человеку, который хочет быть всем и обнимать своей душой весь мир, может хватать удовольствия в их скучной и убогой жизни! Как можно жить без кайфа?

Валентин мог бы просто пропустить мимо ушей эту всегдашнюю тираду, но он не вытерпел:

– Для кого-то, Уолтер, счастье – это просто ходить, узнавать что-то новое и не испытывать боли при этом...

Уолтер презрительно хмыкнул.

– Будь осторожен, хорошо? – аккуратно попросил Валентин.

– Разумеется!

Фальшивый тон Уолтера навел Валентина на мысль о необходимости сказать доктору нечто вразумляющее, но он решил не тратить понапрасну время и силы. Они обсудили еще несколько вопросов, касающихся способности вируса Кагона вторгаться в интимные для организма процессы ферментирования, и Валентин вернулся к своим делам.

День, расписанный по минутам, как всегда пролетел незаметно. После восьми часов вечера Валентин вышел на институтский двор подышать свежим воздухом и размять затекшие члены. Он сел на скамейку и стал созерцать замечательный закат, горящий багрянцем. Стоило Валентину расслабиться, он услышал у себя над ухом резкий и властный голос.

– Хороший вечер, мистер Стронгхолд. Не уделите мне пару минут своей бесценной жизни?

Валентин повернул голову и увидел перед собой высокую и худощавую фигуру декана медицинского факультета, профессора Брюса Страйта. Его длинный чуть загнутый нос и острые черты бледного лица вкупе с гладко выбритым подбородком делали его похожим на хищную птицу. Довершали портрет холодные синие глаза и ежик седых волос на заостренном черепе. Речь профессора Страйта отличалась четкостью и лаконичностью формулировок, а также изобиловала плохо скрытым высокомерием. Он одевался в дорогие костюмы и всегда выглядел безупречно. Из-под манжета выглядывали роскошные золотые часы.

Валентин очень не любил этого надменного типа, однако он встал и вежливо протянул руку:

– Здравствуйте, Ваше Деканство! Чем могу вам помочь?

– Я хотел лишь поинтересоваться у вас, по какой причине вы отговариваете пациента вашего реабилитационного центра Майкла Илнера от уникальной операции, которую ему предлагают лучшие специалисты моего факультета?

– Синдром Кагона не подлежит излечению методами классической хирургии, так что не понимаю, о какой операции тут может идти речь? – подавляя раздражение, ответил Валентин. – Этот вирус до сих пор прячется по всем уголкам лимбической системы. Что собираются сделать ваши чудесные мастера? Изрежут весь мозг Майкла, пока не обнаружат собственную глупость?

Страйт скривил тонкие губы и яростно поиграл желваками.

– И потом, как вы совершенно справедливо выразились, Майкл – мой пациент, – добавил Валентин.

Брюс нехорошо ухмыльнулся.

– А вы, стало быть, врач? – с издевкой уточнил он.

Валентин промолчал.

– У вас, мистер Стронгхолд, не может быть никаких пациентов. Это, надеюсь, вам понятно? – продолжил декан. – Что касается сути операции, то она, разумеется, является вершиной манипуляций с точнейшими инструментами и базируется на современном оборудовании. Мы понимаем о Кагоне гораздо больше вашего. Я даже не вижу смысла обсуждать с вами ход операции. Ваше мнение о том, что мы что-то вырезаем, демонстрирует ваш уровень отставания от современной науки. Впрочем, это не может быть поставлено вам в вину, – более мягко заметил он, – потому что, повторяю, вы не врач.

– Тогда зачем вы решили обсудить это со мной?

– Потому что вы настолько забили голову Илнера своими бреднями, что он даже не слушает наших специалистов! – взорвался Брюс.

– Говоря "мои бредни", вы подразумеваете те результаты, которых Майкл смог добиться в нашем центре, Ваше деканство? – голос Валентина остался предельно спокойным. – Он лишь верит делам, а не пустым обещаниям.

– Что касается работы вашего необыкновенно эффективного центра, то мне было бы очень интересно узнать, какая часть этих результатов достигнута с помощью запрещенных препаратов, о которых судачат все вокруг?

Чем более сердитым становился Брюс Страйт, тем более на лицо Валентина опускалась непроницаемая маска тотального равнодушия.

– Разве пристало именитому ученому вашего уровня получать информацию из сплетен?

– Но ваша лавочка по продаже неизвестных науке лекарств, повышающих возможности организма...

– Я тренирую тех студентов и сотрудников, кто хочет улучшить здоровье и сделать тело красивым, – перебил Валентин. – И я использую в работе весь арсенал психологических методик подготовки спортсменов, в том числе эффект плацебо.

– Значит, вы продаете им пустышки? – победоносно заметил Страйт.

– Я посылаю их в аптеку за обычными укрепляющими средствами, – соврал Валентин. – Ничего больше.

Брюс Страйт замолчал и отвел глаза в сторону кустов сирени.

– Сколько веревочке не виться, молодой человек...

– А почему вам так важно, чтобы Майкл согласился на эту операцию? – спросил внезапно Валентин.

– Не буду скрывать, – снисходительно ответил Страйт, – это уникальная процедура, которая может вывести наш институт на первый план в борьбе с синдромом Кагона, до сей поры неизлечимым.

– Ах, вот оно что. Ваши ребята решили поставить на Майкле эксперимент? – Валентин тоже обратил печальный взгляд на цветки нежного фиолетового оттенка, покачивающиеся на легком ветерке.

– Я не буду апеллировать к вашим враждебным формулировкам, господин Стронгхолд. Да, в мире это будет первая операция. И она, несомненно, рискованная, опережу ваш следующий вопрос. Но неужели вы полагаете, что сможете вылечить Майкла, запихивая его в ваши тренажеры и пичкая не прошедшими должную проверку лекарствами?

Валентин не ответил.

Брюс Страйт гневно посмотрел на него, но, по всей видимости, сумел собраться.

– Могу я хотя бы надеяться, что вы разрешите господину Илнеру поговорить с нашими лучшими специалистами?

– Я должен изучить материал и ознакомиться с регламентом операции детально, – Валентин пристально поглядел на Брюса. – И в любом случае, это будет выбор Майкла.

Декан Страйт выдержал его взгляд и кивнул.

– Я понимаю. Это не положено, но вам будет представлена вся информация. Мой лучший хирург Брендон Чейн пришлет вам описание операции.

– Спасибо.

Валентин поднялся и протянул декану Страйту руку:

– Мне пора, Ваше Деканство.

Брюс крепко сжал ладонь Валентина.

– Могу дать вам профессиональный совет на прощание?

– Буду польщен, профессор.

– Не берите проблемы ваших пациентов близко к сердцу. Некоторые считают меня слишком холодным и равнодушным человеком. Но если бы они видели то, что довелось увидеть мне во времена войны... Короче говоря, если бы я плакал о каждом умершем пациенте, то мое сердце давно разорвалось бы.

Валентин уважительно склонил голову.

– Спасибо за столь ценный совет, Ваше Деканство. Вы настоящий врач. Но мое сердце такое крепкое, что будет биться даже после моей смерти, – беззаботно усмехнулся он.

Брюс Страйт с раздражением уставился на Валентина.

– Вы чрезмерно полагаетесь на спортивный образ жизни.

Валентин пожал плечами и промолчал.

Идя по опустевшим институтским коридорам, Валентин не мог выбросить из головы разговор с Брюсом Страйтом. Он мучительно размышлял, уйдя в себя настолько, что не заметил, как чуть не сбил с ног почтенного вида женщину.

– Валентин, – он вздрогнул от еще более знакомого, но гораздо более ласкового голоса, – стоило мне только начать искать тебя, как ты буквально сам летишь ко мне в руки!

Валентин мгновенно вытянулся по струнке и почтительно замер.

На него с улыбкой смотрела красивая дама, исполненная внешнего изыска и благородства. Несмотря на возраст, заключенный в тонких морщинках, чуть дряблой коже на шее и усталых глазах, она выглядела чрезвычайно модно. Валентина угораздило налететь на ректора института, Карлу Бэсфорд.

– Прошу прощения, Ваше Ректорство, – поспешно вымолвил он.

– Брось эту официальщину, – усмехнулась она. – Пойдем, у меня для тебя есть задание. Надеюсь, ты не спешишь.

– Не смею вам отказать.

– Ну и славно! – она подмигнула и завела за ухо тонкую прядь волос. – Я не отвлеку тебя надолго. Полчасика – и вернешься к своим факультативам по чрезмерному развитию мышечной массы...

Ректор направилась к своему кабинету. Валентин послушно зашагал следом.

– От вас ничего не скрыть, Ваше Ректорство.

– Довольно похвалы, Валентин. А если уж начал осыпать даму банальными комплиментами, то делай это правильно. Нам хочется услышать от такого красавца похвалу внешности, а не осведомленности, – произнесла она с легкой укоризною. – Или я слишком стара?

– Вы бесподобны, – честно ответил Валентин. – Но ум для милой дамы очень редкая и ценная вещь...

– Довольно, Стронгхолд. Пока я не поддаюсь твоей лести, перейду к делу. Сегодня я подписала приказ о назначении в твой Центр новой сотрудницы. Она будет работать в корпусе борьбы с зависимостями.

Это невинная фраза заставила Валентина вернуться к тому тревожному чувству, которое сопровождало его по пробуждении и было замечено дневными заботами.

– Да? – только и смог вымолвить судорожно соображающий Валентин. – Что ж, Уолтеру не помешают свежие силы...

– Доктору Грэндсу не помешает вспомнить, что он в данный момент своей жизни играет роль врача, а не пациента! – едко заметила Карла. – Впрочем, я принципиально не лезу в дела твоего Центра. Ты превратил реабилитационный корпус в гордость не только института, но и достояние всего округа. Поэтому, несмотря на все жалобы сотрудников медицинского факультета и прочих завистников, я не обращаю внимания на твоих подчиненных. Из них только Марк годен для своей должности, хотя и не имеет соответствующего образования. Про сомнительные методы Уолтера, про Льюиса, который мог быть в тысячу раз полезнее в другом месте, про Глорию, которая должна быть последним кандидатом на свою должность... не говорит только ленивый.

– Дайте нам сто лет, – пошутил Валентин.

– К сожалению, я столько не проживу.

– Наверное, раз вы приняли решение о назначении этой сотрудницы в корпус борьбы с зависимостями, она обладает психиатрической квалификацией?

– Не говори глупостей, Валентин, – поморщилась Карла. – Ни один нормальный терапевт с образованием не поедет в нашу глухомань работать в странном Центре, не имеющем официального отношения к медицине!

– Спасибо за такую откровенную характеристику, Ваше Ректорство.

– Не ерничай, Стронгхолд.

– Прошу меня простить.

Они бодрым шагом шли по мраморному полу первого этажа, уложенного большими черно-белыми квадратами, к кабинету ректора. В нескольких шагах от двери Карла остановилась и отвела Валентина в сторону.

– А теперь слушай очень внимательно, Валентин, – она понизила голос на несколько тонов. – Эта девчонка – дочка одной моей хорошей подруги, занимающей солидный пост в департаменте образования Императорской канцелярии. Она худо-бедно отучилась в академии, но вот с работой не заладилось. Ты должен понять, что у нее крайне непростой характер. Моя подруга решила уберечь непутевую дочурку от соблазнов столичной жизни, сослав ее в наш институт.

– Соблазнов? – эхом повторил Валентин.

– Да. Эта дурочка любит оторваться, если ты меня понимаешь. Так что ее назначение в корпус борьбы с зависимостями не случайно.

– Вы клоните к тому, что я каким-то образом должен убедить ее, что она сотрудница корпуса в то время, как ее реальный статус будет более походить на пациента? – осторожно уточнил Валентин.

– Ты очень догадлив! Понимаю твое удивление. Мне самой это кажется странным. Но ты же знаешь этих умов от образования. Моя подруга живет в мире теоретических понятий и концепций об идеальном диалектическом воспитании. Потому она подумала, что помощь людям, страдающим пагубными зависимостями, выбьет всю дурь из ее головушки.

– Это непростое задание, Ваше Ректорство, но я постараюсь справиться и дать доктору Грэндсу правильные инструкции...

– Наивный мальчик! – с сожалением посмотрела на него Карла. – Это еще не было заданием. А единственной правильной инструкцией для Уолтера, у которого из кармана вываливаются на ходу запрещенные препараты, будет вообще не приближаться к этой особе.

Валентин почувствовал, как тревожная тень продолжает набухать и приобретает поистине грозные очертания.

– Теперь задание, – Карла строго оглядела растерянное лицо Валентина. – Эта особа – ходячая бомба замедленного действия. Она притягивает к себе плохих парней, проблемы и прочую дрянь. И можешь не сомневаться, что ей удастся найти все это и в нашем институте в кратчайшие сроки. Потому ты назначаешься ее нянькой, понял?

– Я... – начал было Валентин.

– Вижу, что не понял, – устало произнесла Карла. – Я передаю ее в твои руки не потому, что корпус борьбы с зависимостями входит в твой Центр, а потому, что более надежного, порядочного и уравновешенного человека просто невозможно найти во всем Спиресе! Я знаю, что ты не научишь ее плохому, не попадешь сам в ее сети, ибо все эти помешанные люди порой чертовски обаятельны, и не совратишь ее, потому что предан лишь работе. Одним словом, будешь ей отцом. Не справишься – уволю!

Валентину было что возразить на этот хвалебный отзыв. И не только природная скромность заставляла его считать себя худшей нянькой для молодой девушки. В данной ему характеристике он был не уверен не столько в определениях, сколько в самом слове "человек". Но озвучивать эти мысли ректору института явно не стоило.

– Я позабочусь об этой оступившейся девочке, – серьезно ответил Валентин.

– И я не сомневалась, – подмигнула Карла. – Тогда пошли.

Валентин по-джентльменски обогнал Карлу Бэсфорд на пару шагов и распахнул перед ней тяжелую дверь приемной. Та была расписана старинными руническими знаками охранных заклинаний. Валентин внутренне усмехнулся, подумав, что его беспрепятственный проход выпукло подчеркивал более чем декоративную роль вычурных символов. Была бы в них хоть толика древней магии, эти чары хорошо подумали бы, прежде чем пропускать через себя то, что таилось в глубине Валентина.

Когда они оказались в большом и светлом помещении, предваряющем кабинет ректора, Валентин заметил возле стола секретаря изящный девичий силуэт. Новая сотрудница стояла к вошедшим спиной. Грива роскошных волос, обжигающих взгляд пронзительной чернотой, опускалась на плечи.

Девушка обернулась, и Валентин будто в испуге увидел пронизанные трогательной женственностью изящные черты лица и глаза, цвет которых напомнил ему напитавшуюся летнем солнцем сочную зелень. И странная, едва заметная тоска показалась Валентину изысканным украшением ее восхитительного лица. Эта томительная печаль, словно орудие художника, обосновалась на чувственном изгибе алых губ и загадочном, немного мечтательном взоре. Но фантазии, скрытые за ним, по неясной причине показались Валентину мрачными, дикими и опасными, как страшные истории, что обожали рассказывать детям крестьяне округа Спирос.

– Не будем перегружать друг друга формальностями, – усмехнулась Карла, покровительственно посмотрев на обоих. – Валентин, забирайте!

Новая сотрудница подошла и уверенно протянула руку. Она ничуть не выглядела смущенной, но со скупающим и немного высокомерным выражением рассматривала своего нового руководителя.

– Альсента Браун, – представилась она. Ее голос показался ему лишенным выразительности, словно она сильно устала.

– Валентин Стронгхолд.

Когда мягкая рука Альсенты коснулась мозолистой ладони Валентина, его сердце предательски дрогнуло и сжалось в неожиданно томительном и страстном порыве. То ли он так разволновался, потому что боялся, что девушка сможет узнать его, хотя это было совершенно невозможно. То ли одного взгляда на ее восхитительное лицо было достаточно, чтобы произвести в его душе грандиозные движения чувств, что тоже было для него не характерно. В любом случае, переживание от встречи с Альсентой Браун было таким сильным и ярким, что Валентину стоило заволноваться о здоровье его сердца, бешено колотящегося в груди. Но он и не думал беспокоиться об этом органе. Его восьмикамерное сердце, сшитое в сумрачном измерении духами зла из алмазных нитей и снабженное сапфировыми перемычками, было самым прочным элементом в его организме.

Третья глава. Неловкий ужин и большая глубина

Стоило им выйти за порог приемной, как Альсента шумно выдохнула. Ее голос тотчас наполнился той замечательной бархатной грубостью и живостью, что довелось услышать Змею прошедшей ночью.

– Уф, эти тетki за пятьдесят просто невозможны! Кто догадался сделать женщину, находящуюся в этом губельном для всего живого возрасте, ректором целого института?

Валентин пораженно наблюдал, как скука мигом испарилась с ее лица, явив совершенно хулиганскую ухмылочку.

– Ну...

– Я зверки голодна. Валентин, вы отведете меня поужинать? Весь день не ела. И как можно так заволокитить процесс оформления, а?

Альсента посмотрела на Валентина, широко раскрыв глаза, будто ее вопрос вовсе не был риторическим и требовал немедленной реакции с его стороны.

– Как выпускнице Императорской Академии вам, наверное, приходилось сталкиваться с гораздо более ощутимой бюрократией, – осторожно высказался Валентин.

Она одарила его снисходительным взором и издевательски хмыкнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.